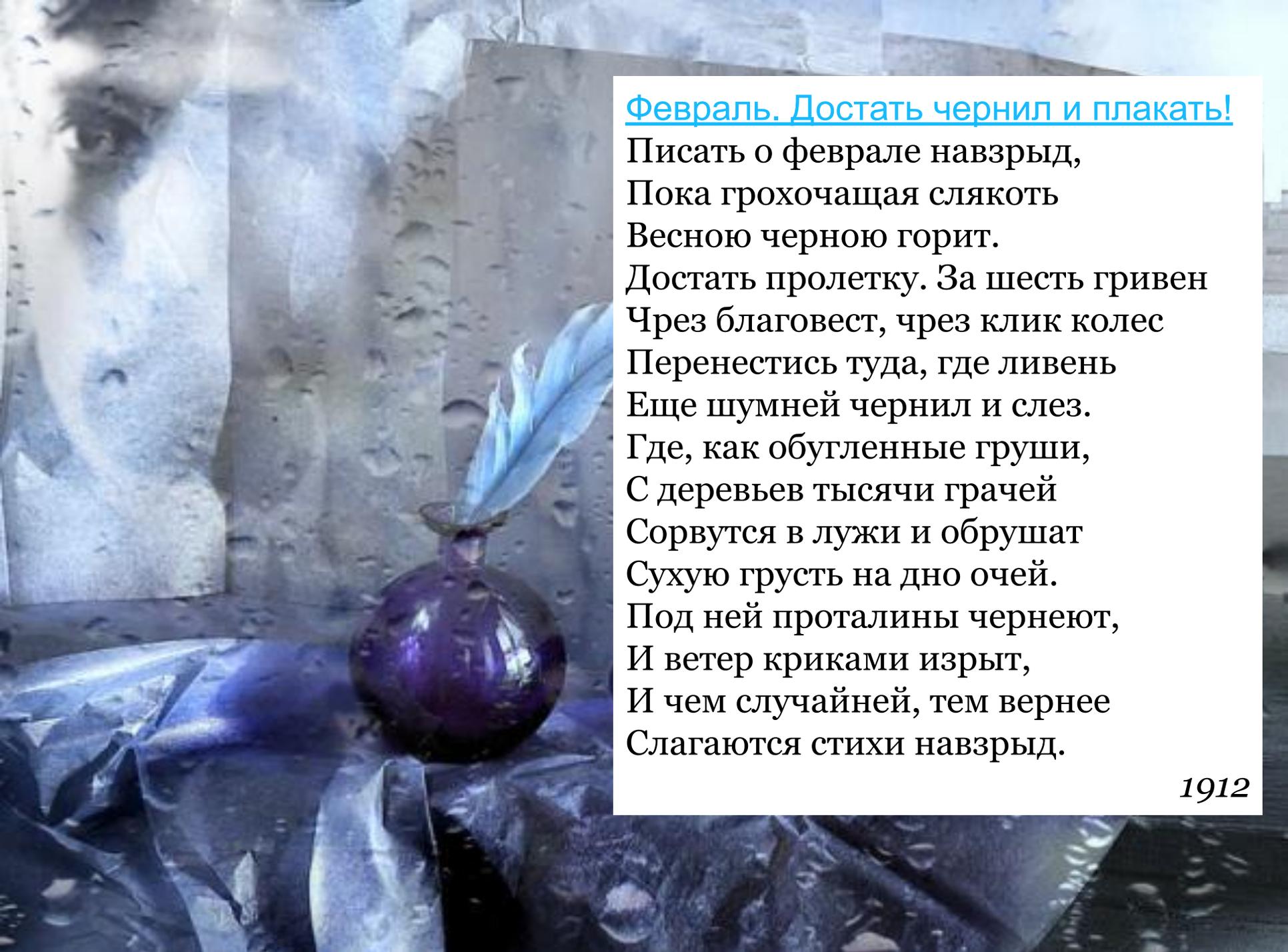

**Борис
Леонидович
Пастернак
(1890-1960).
Основные
мотивы
лирики**

A still life photograph of a quill pen in a glass inkwell on a table, with a framed portrait in the background.

Февраль. Достать чернил и плакать!

Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочащая слякоть
Весною черною горит.
Достать пролетку. За шесть гривен
Чрез благовест, чрез клик колес
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.
Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.
Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

1912

Стихотворения Юрия Живаго

Сборник представляет собой семнадцатую заключительную главу романа и по замыслу автора принадлежит главному герою этого произведения. Не все стихотворения напрямую связаны с сюжетом романа, однако все обнаружили глубинную идейно-тематическую связь с происходящими событиями. Они создавались Пастернаком в период с 1906-1953 года.

Театр на Таганке

ГАМЛЕТ

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить - не поле перейти.

Б.Пастернак

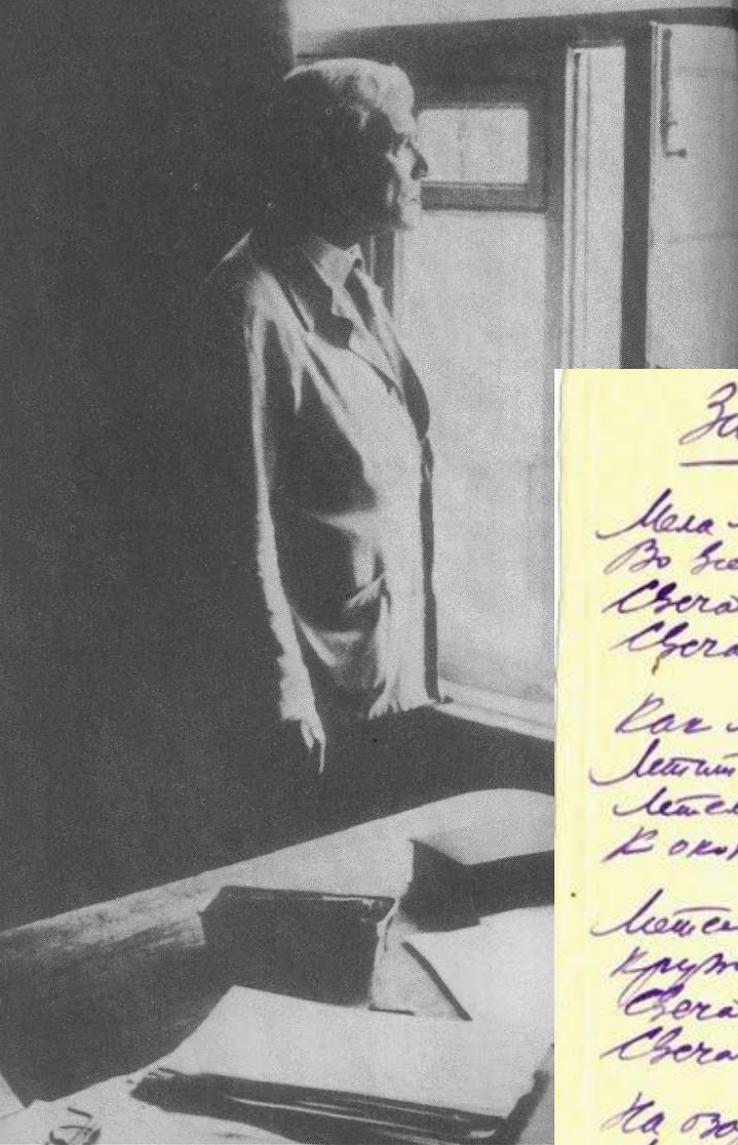
Нобелевская премия.

Я пропал, как зверь в загоне,
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне на волю хода нет.

Тёмный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, всё равно.

Что же сделал я за пакость,
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придёт пора –
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.

Зимняя ночь

4

Мела метель на всей земле,
Во все преземь.
Света горела на столе,
Света горела.

Как летит и рвется молоко
Летит на плечи,
Летели хлопья со двора
В окошко рама.

Метель летела на свете
Крутиль и сверели.
Света горела на столе,
Света горела

На озерной побелке
Ложился снег:
Средняя рука, средняя нога,
Судом средняя.

Мела метель в густоте
И метель целой
Света горела на столе
Света горела.

И погаси уста бабочка
Со стучком на хол
И восток слезами с ночника
На плечи капал.

Порядок воню и угля
Порядок соблазна
Взлетела, как снег, уста криво
Кривообразно.

Мела метель на всей земле,
Во все преземь.
Света горела на столе,
Света горела.

Власть урона

5

A painting of a winter scene. In the background, a two-story wooden house with a snow-covered roof is visible. In the middle ground, a wooden fence runs across the scene. In the foreground, there are several bare trees with intricate branch structures. The overall color palette is dominated by cool tones like blues, greys, and whites, with some warmer brown and orange tones in the trees and house. The style is impressionistic with visible brushstrokes.

**Черной лестницы ступени,
Перекрестка поворот.
Снег идет, снег идет,**

**Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.
Словно с видом чудака,**

**С верхней лестничной площадки,
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака.
Потому что жизнь не ждет.
Не оглянешься - и святки.**

**Только промежуток краткий,
Смотришь, там и новый год.
Снег идет, густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми,**

**В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,
Может быть, проходит время?
Может быть, за годом год**

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк моховой,
Только крыши, снег, и, кроме
Крыш и снега, никого.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной.

И опять кольнут донные
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.

Но нежданно по портьеру
Пробежит сомненья дрожь,-
Тишину шагами меря.
Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься из двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то, впрямь из тех материй,
Из которых хлопя шьют.

1931

Любимые женщины Бориса Пастернака

Любить иных – тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильна.

Зинаида Нейгуаз

Ольга Ивинская

Евгения Лурье

«Центрифуга»

Борис Пастернак (1890 – 1960)

Любить иных – тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильна
Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.
Легко проснуться и прозреть,
Словесный спор из сердца вытрясть
И жизнь, не засоряясь впредь,
Все это – не большая хитрость.

Б. Пастернак.

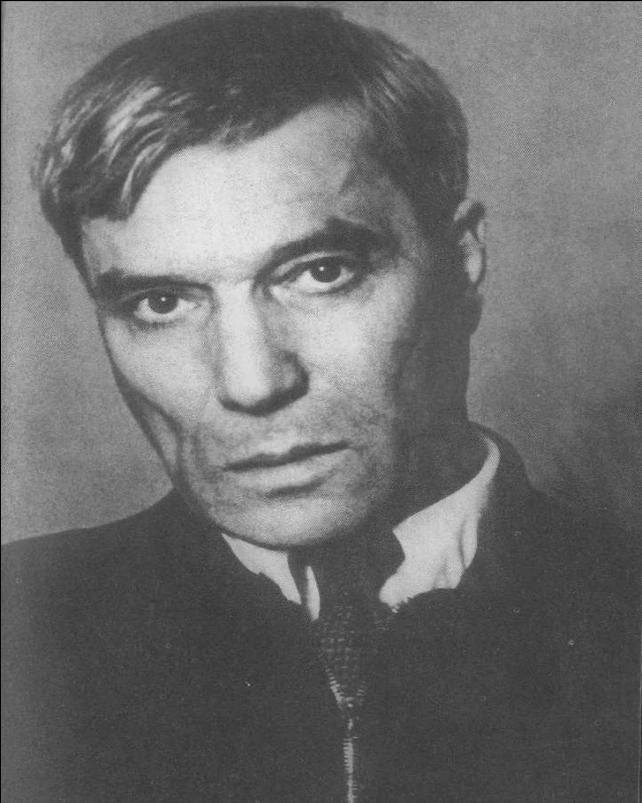
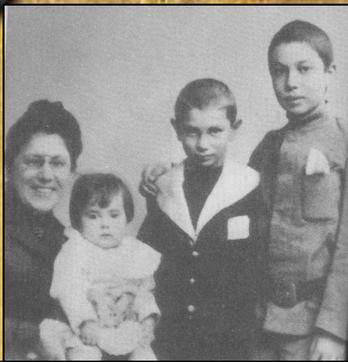
Цель творчества - самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

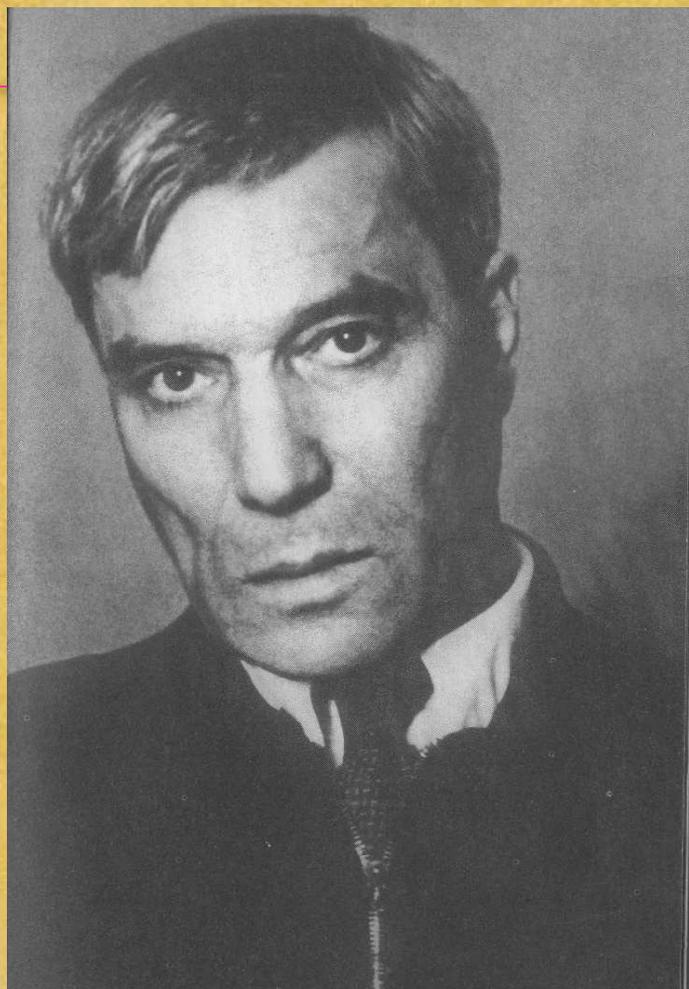
Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.

И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.

И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы

Борис Пастернак

О, знал бы я, что так бывает...

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!
От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.
Но старость — это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.
Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.